

I.

СЛОВО

ПРИ НАСТУПЛЕНИИ СВ. ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦЫ.

*Возсія весна постная, цвѣтъ покая-
нiя. (Стих. въ среду веч. нед. сыроп.).*

Благовременно нынѣ, братіе, напомнить о веснѣ, пото-
му что вотъ—вотъ наступить она. Прилично нынѣ слово и

о великой четырёхдесятницѣ поста, потому что, по слову церкви, весну духовную изобразуетъ она. *Возсія весна покаянная, цвѣтъ покаянія.* Почему же мать наша—Св. церковь святую четырёхдесятницу поста сравниваетъ съ весной? Потому, безъ сомнѣнія, что четырёхдесятница—весьма похожа на весну или—точнѣе—есть дѣйствительная духовная весна. Въ самомъ дѣлѣ, что иное видимъ мы во св. дни четырёхдесятницы, если не тоже самое, что видимъ и въ природѣ—весной? Какъ тамъ, въ обыкновенной веснѣ, на что ни посмотришь, почти во всемъ, почти вездѣ такъ и просяется, такъ и пробиваются наружу, какъ бы птенцы изъ скорлупы, признаки жизни и воскресенія: такъ и здѣсь, въ дни четырёхдесятницы, видимо, по крайней мѣрѣ у внимательныхъ изъ насъ, обновляется жизнь духа. Покаянныя чтенія и пѣснопѣнія непримѣтно умягчаютъ душу, мало по малу, со дня на день, дѣлая ее чувствительнѣе, довѣрчивѣе, воспримчивѣе къ добру. Постъ и молитва, если только можно выразиться такъ, какъ бы плугомъ, раздираютъ въ ней бразды и облегчаютъ возможность зарониться туда новымъ сѣменамъ или началамъ помысленій трезвыхъ, чувствованій и желаній святыхъ. Ставъ свободнѣе отъ грѣха и страстей, подобно снѣгу и морозамъ, холодившихъ ее, затѣмъ легче и сердечнѣе возносится она отъ земли на небо,—отъ грѣховъ и нечистыхъ вождельнѣй къ Господу и, приближаясь къ Нему, освѣжается воздыханіями и увлажняется слезами сокрушенія, подобно тому, какъ освѣжается и увлажняется земля послѣ весенняго вѣтра и дождя. Таинство исповѣди умиротворяетъ ее съ Богомъ, и тогда все, все обновляется въ ней. Иныя у ней становятся отношенія къ Творцу и Промыслителю: вмѣсто рабскихъ сыновнія, вмѣсто скорбныхъ—радостныя. Уста наполняются хвалебною пѣснью; въ радованіи сердца и тишинѣ умиротворенной совѣсти предощущаетъ она задатки жизни иной, собственно—духовной, небесной. Что же это, въ самомъ дѣлѣ, если не весна духовная, не воскресеніе, не обновленіе, не притокъ жизни новой, кратко—не *нова тварь о Христіи*? (Гал. 6, 15). Спросимъ себя: съ какими помысленіями, съ какимъ чувствомъ мы готовимся вступить

во врата св. сорокатици? Съ мыслію ли обновленія духа, его силъ и жизни по духу Христову и съ чувствомъ ли нужды въ семь обновленіи? Если-такъ,—благословенъ входъ нашъ. Вѣренъ Господь, мы узримъ духовную весну и ощутишь въ себѣ благодатныя вліянія ея. Если нѣтъ, то это будетъ знакъ или того, что мы непонимаемъ значенія св. сорокатици, или, что и того хуже, знакъ слишкомъ глубоко обьявшаго насъ сна грѣховнаго, притупленія въ насъ самаго чувства духовной жизни, а быть можетъ, знакъ и самой смерти духовной. Есть же въ природѣ деревья, которыя и весной, среди общаго обновленія, стоятъ голы, сухи и мертвы! Весна, по преимуществу, есть время сѣянія и трудовъ при воздѣланіи обновленной земли. Въ жизни человѣческой для сѣянія духовнаго есть, правда, и болѣе продолжительная весна, чѣмъ весна сорокатици: это цѣлая юность каждаго изъ насъ. Наши родители и воспитатели, пастыри и учителя всѣявали тогда въ юныя души наши сѣмена богопознанія и богопочитанія. Но многомятежная жизнь наша и пареніе похотей, съ теченіемъ времени, часто засоряютъ эти сѣмена, останавливаютъ ихъ ростъ, а иногда какъ бы и вовсе истребляютъ ихъ. Посему и чувствуется настоящая нужда въ особой, ежегодной, нарочитой порѣ для новаго воздѣланія духовной нивы нашей, для новаго сѣянія на ней. Эту—то нарочитую пору и представляетъ собою св. сорокатица поста. И чего, въ самомъ дѣлѣ, нельзя посѣять на духовной нивѣ нашей во время духовной этой весны? Хочешь ли посѣять въ себѣ сокрушеніе духа о грѣхахъ и печаль о Бозѣ? Прислушайся только внимательнѣе къ покаяннымъ канонамъ, пѣнопѣніямъ и молитвамъ сорокатици,—и надо быть камнемъ, чтобы не восчувствовать въ себѣ стыда, упрековъ и сожалѣнія о своемъ своеволіи предъ Богомъ и гнусныхъ проступкахъ предъ закономъ Его. Или опять—всмотришь только поглубже въ тотъ знаменательный трауръ, въ какой вселенская церковь на цѣлую сорокатицу облакаетъ себя, или вслушайся въ тотъ погребальный звонъ, какимъ она тогда призываетъ насъ на службы свои,—и надо нарочито закрыть глаза и уши, чтобы не спросить себя, о комъ это плачеть и о чемъ такъ глубоко болѣзнуеть,

породившая насъ, мать наша св. церковь и, при этомъ, не почувствовать въ груди своей тяжелаго давленія—отъ мысли, что, въ числѣ прочихъ чадъ своихъ, плачетъ она и обо мнѣ, непотребномъ грѣшникѣ,—и о моихъ душевныхъ ратратахъ, о моемъ плѣнѣ духовномъ, о моемъ отчужденіи отъ Отца Небеснаго, о моей наконецъ близости къ смерти духовной. Хочешь ли посѣять въ уныломъ сердцѣ твоемъ упованіе на милосердіе Божіе? Предъ тобою для этой цѣли св. сорокатица представляетъ нарочито цѣлыя сонмы великихъ грѣшниковъ, которые за покаяніе свое не только помилованы, но, о бездна милосердія Божія, стали въ числѣ друзей Божіихъ. Хочешь ли посѣять цѣломудріе души и чистоту плоти? Будь только внимателенъ къ заповѣди церкви о постѣ и молитвѣ во дни сорокатицы, и сѣмена эти не только примутся и прозябнуть, но и, въ продолженіи сорокатицы, непременно завяжутся въ плодъ по роду своему. Правда, сѣяніе духовное возможно и всегда, во всякую пору года: но всегда ли оно столь удобно и благоприятно, какъ въ св. сорокатицу? Определенная полнота дней покаянныхъ, обязательная, всеобщая, по всей средѣ христіанской проходящая тогда мысль о долгѣ говѣнія и покаянія, тонъ и содержаніе службъ церковныхъ, все это—такія преимущества, которыя настолько возвышаютъ св. сорокатицу надъ всякою другою порою духовнаго сѣянія, на сколько дни и дожди мая, вѣяніе вѣтровъ и теплота дней майскихъ стоятъ выше прочихъ дней даже—самой весны.

Братіе! Посѣмъ ли мы что нибудь въ грядущую духовную весну на духовной нивѣ нашей? О, постараемся посѣять! Что же бы посѣять намъ? Посѣмъ то, что всего болѣе нужно каждому изъ насъ. Гордый пусть положитъ начало смиренію,—преданный пьянству—трезвости, блудникъ—чистотѣ и цѣломудрію; лихоимецъ пусть положитъ начало нестяжательности, сквернословъ и пустословъ—обузданію языка, чревоугодникъ—умѣренности и воздержанію, а всѣ, безъ изъятія, постараемся положить въ себѣ начало страха Божія, самовниманія и совѣтливости. Не посѣмъ? Не для насъ, стало быть, будетъ духовная весна и напрасно, все, стenanіями своими будетъ звать насъ церковь.

Весна есть время цвѣтенія и завязки плодовъ. Но какъ не всякій цвѣтокъ завязывается въ плодъ и не всякій завязавшійся плодъ созрѣваетъ: такъ бываетъ и во время духовной весны. Многія лозы духовныя въ здѣшнемъ виноградѣ Христовомъ, нѣтъ сомнѣнія, не только духовно обсемяются и развернутся во время св. четырехдесятницы, но и зацвѣтутъ и завяжутъ плодъ. Многіе напр. изъ насъ будутъ скорбѣть искренно, прольютъ даже слезы о грѣхахъ своихъ. Многіе смирятся при чувствованіи смердящихъ извъ грѣха. Нѣкоторые изнурятъ плоть свою постомъ и бодрствованіемъ, а иные успѣютъ положить начало дѣятельнаго благочестія. Все это—прекрасныя цвѣты, прекрасныя зачатки духовнаго плодоприношенія. Но вотъ вопросъ: у многихъ ли изъ насъ труды и скорби покаянныя перейдутъ въ постоянную и настойчивую борьбу противу грѣха и страстей? У многихъ ли они станутъ во главу духовнаго дѣланія до гроба, и въ начало новой жизни—навсегда? Увы, и не пророчествуя, можно прорекать здѣсь, что многихъ, еще въ началѣ цвѣтенія, постигнетъ стужа мороза, это—разлѣненіе непривычнаго къ духовнымъ занятіямъ нашего духа. Многихъ дочиста отряхнеть возбудившаяся буря прежнихъ страстей, у многихъ же завязавшійся плодъ исчахнеть и иссохнеть, какъ отъ мглы, отъ малодушія и унынія предъ тѣми трудами и жертвами, какія неизбѣжны для новой жизни во Христѣ. И такимъ образомъ, по немнозѣхъ дней, обнажится среди насъ снова духовный виноградъ Христовъ! Какое грустное предчувствіе, но едвали не вполне справедливое!

Братіе! Господь создалъ насъ безъ насъ, но спасти насъ безъ насъ не можетъ. Для пользы и успѣховъ духовной нивы нашей, намъ недостаточно одновременнаго воздѣланія ея и обсемененія, мало дорастить намъ духовныя сѣмена до цвѣтенія, даже до завязки ихъ въ плодъ. Надо намъ духовное дѣло свое вести и за предѣлы четырехдесятницы. Намъ нужно постоянное самовниманіе, намъ потребны—бодрствованіе и трезвеніе, трудъ и борьба противу грѣха—до послѣдней старости, до послѣдняго дыханія. Иначе мы неможемъ углубить и утвердить въ себѣ стяжанныхъ говніемъ и покаяніемъ святыхъ помышленій, чувствованій и же-

ланій и свободно проводить ихъ въ жизнь. Иначе подвигъ покаянный будетъ только трудомъ безъ воздаянiя, началомъ — безъ конца, цвѣтомъ — безъ плода. Не сему — то ли учить и Господь нашъ Иисусъ Христосъ въ притчѣ о сѣмени, когда говорить, что *плоды духовный творятся... въ терпѣнiи?* (Лук. 8, 15).

Братіе! Вотъ — вотъ загорится уже первая вечерняя заря духовной весны: что убо сотворимъ? О, въ семъ святомъ храмѣ и въ сей же святой часъ дадимъ Господу обѣщаніе, для пользы и спасенiя душъ нашихъ, провести ее по правиламъ и наставленiямъ св. церкви.

Протоіерей В. Розаліевъ.

II.

Нѣсколько словъ объ участіи духовенства въ религиозномъ образованіи народа.

Въ № I журнала „Народная школа“ за нынѣшній годъ обращаетъ на себя особенное вниманіе статья О. І. Стася о религиозномъ образованіи народа. Представляя по своему содержанію живой интересъ для всякаго, кому дорого религиозное образованіе народа, статья эта особенно поучительна для сельскихъ священниковъ Кавказской Епархіи, такъ какъ въ ней слышится энергическій голосъ одного изъ пастырей — законоучителей этой Епархіи. По этой причинѣ считаемъ за необходимое познакомить съ содержаніемъ этой статьи читателей Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и сказать по поводу ея нѣсколько словъ.

Упомянувъ въ началѣ статьи объ усиленной дѣятельности нашего правительства и общества на пользу народнаго образованія въ послѣдніе годы, авторъ въ слѣдующихъ чертахъ изображаетъ отношеніе современнаго сельскаго духовенства къ народному образованію: „Наше сельское духовенство, за весьма рѣдкими, правда, очень яркими и весьма отрад-